DOI: 10.37892/2218-1393-2020-13-2-201-207

Рецензия на сборник статей «Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2019. Материалы международной конференции». М.: Канцлер, 2019, 288 с.

О. А. Гулыга (Институт языкознания РАН)

Неоспоримым преимуществом рецензируемой работой является большое количество и разнообразие материала и многоаспектность его трактовок. Авторы статей привлекают материал языков различной генетической принадлежности, материал разных регионов, стилей и жанров — устной и письменной речи, художественной литературы, священных текстов и т.п. Мы начнём с краткого обзора статей сборника, разделив их по темам.

Эмоции и культурное влияние.

Ряд статей посвящён отражению в языке перемен в восприятии обусловленных культурой процессов и явлений. Такова статья В. Мидера (Бёрлингтон, Вермонт) о современных американских пословицах на тему возраста, говорящих о том, что в современной Америке старость воспринимается с теми же эмоциями, что и молодость, т.е. с радостью и энтузиазмом. Старость получает нетипичную для прошлого положительную эмоциональную оценку. М. Л. Ковшова (Москва) рассматривает эмоциональную оценку в другом ракурсе. На основании анализа прилагательного эмоциональной оценки *приятный* автор делает вывод о своеобразии эмоциональной оценки в системе ценностных отношений, в частности, речь идёт о трех модификациях эмоциональной оценки — сенсорной, эстетической и синкретичной (сублимированной). Основу семантики прилагательного *приятный* составляет эмоциональная оценка, на которую надстраиваются другие значения. В статье представлена схема описания материала: исследуются словарные дефи-

ниции, область денотации, формы употребления, ограничения на употребление, градация признака, его взаимосвязь с другими признаками в контексте. Г. В. Токарев (Тула) в своей статье трактует малоисследованную тему — эмоциональный компонент символа. У первичных символов, связанных с определённой культурой, эмоциональность формируется как следствие ритуальных практик. Так, оставленный на поле пучок несжатых колосьев в качестве символа выражает эмоцию одобрения, которая связана с возвращением земле витальной силы, благодарностью за урожай, надеждой на плодородность следующего года. Е. Б. Яковенко (Москва) приходит к выводу, семантика удовольствия приобретает в английском языке в разные периоды его истории неоднозначное выражение. Единицы *lust* и *pleasure* представляют собой интересный пример того, как на протяжении истории референтная область слова может подвергаться последовательным сужениям и расширениям, а в его семантической структуре развиваются взаимоисключающие признаки.

Эмоции как многоплановое проявление человеческой природы.

В статьях, объединённых данной темой, рассмотрено воздействие эмоций на физические проявления человека — внешности, поведения, мимики, жестов и т.п. Данный подход сосредоточен на самой эмоции и человеке-экспериментере. В фокусе внимания Е. Р. Иоанесян (Москва) было использование симптоматической лексики (*дрожать от страха, побледнеть от ярости*) в функции маркеров интенсивности эмоций — в роли Magn'ов. Было выделено три класса использования симптоматической лексики в функции Magn: А. Симптоматическая лексика, маркирующая интенсивность эмоции через отсылку к субъекту эмоции (Magn1); Б. Симптоматическая лексика, выступающая в роли субъектного Magn'а. В. Симптоматическая лексика, используемая в функции обычного Magn'а. В этот же класс статей попадает материал Е. М. Лазуткиной (Москва), где рассмотрены контексты, в которых воздействие эмоций и чувств на человека метафорически трактуется как проявление внешней стихии. В этой же парадигме написана статья Н. К. Рябцевой (Москва) о взаимодействии эмоций и рассудка. Лингвистический анализ отра-

жения в языке эмоциональных и рациональных состояний сознания говорит о том, что в языке фиксируются знания и опыт, полученные преимущественно подсознательно и подсознательно заложенные в язык. Состояния сознания влияют на другие психологические сущности человека: речь, поведение, внешний вид, душу, настроение, дух, а эмоциональные состояния поддаются рациональному контролю. В статье Г. В. Петровой (Москва) выделяются параметры предикатов зависти в португальском языке: оценка и причины зависти; невозможность контроля самой зависти и трудность контролируемости ее манифестаций; корпоральные проявления; градуируемость; начинательность / финитность; языковая метафора, описывающая зависть, и последствия, проявляющиеся в разрушении внутреннего мира завистника, насилии и преступлениях.

Эмоции и коммуникация.

Статьи, условно объединённые данной темой, посвящены эмоциональной составляющей в определённых типах речевых актов. Статья О. Б. Абакумовой (Орёл) на материале английского художественного текста показывает, каким образом зафиксированная в культуре и сознании носителей формула счастья используется для речевого акта моральной поддержки. Эмоциональная лексика в конфликтной коммуникации является предметом статьи С. Ю. Куликова (Калининград). Е. М. Масленникова (Тверь) ставит своей задачей показать дискурсивное эмоциональное воздействие на слушающего/читающего шекспировских развёрнутых метафор-эвфемизмов, требующих для правильной интерпретации культурно-языковой компетенции. Эвфемизмы и национально-специфичные косвенные номинации как источник определённого эмоционального воздействия на слушающего являются темой статьи О. С. Орловой (Москва) о русских загадках о смерти. С. С. Тахтарова (Казань) на материале русского языка формулирует свойства коммуникации, обеспечивающие позитивную, кооперативную тональность общения, такие как употребление маркеров нерешительности, снятия категоричности, близительности. В. И. Шаховский (Волгоград) относит эмоциональность в целом к особому слою внутренней стороны языка. В условиях социума эмоциональные процессы

между людьми выполняют коммуникативную функцию, благодаря выраженности в соматическом, ментальном, вербальном, поведенческом.

Эмоции в этнокультурном контексте.

С. П. Виноградова (Москва) исследует эмоции в контексте зороастризма на материале Гат. Страх, ненависть, ярость, печаль, вина, удовлетворение, удовольствие, радость, на которые проецируется базовая концептуальная дихотомия добро/зло, перестают быть спонтанным отражением внутреннего состояния человека. Похожую тему развивают Е. Е. Королева и О. Г. Ковзеле (Даугавпилс), исследуя инвективы (способы выражения отрицательных эмоций) в диалектной системе староверов Латгалии, что позволяет воссоздать картину мира русского старовера, антропоцентричную, архаичную и религиозную в своей основе. Результаты Янь Кая (Гуаньчжоу, Китай) показывают, что словарные дефиниции эмоции РАДОСТЬ в русском и китайском языках содержат культурно-национальную информацию и отражают языковое сознание данного лингвокультурного сообщества, зафиксированное в значениях языковых знаков.

Отражение обозначающих эмоции единиц в синтаксисе и словаре.

Предметом статьи К. Я. Сигала (Москва) является силлепсис, т.е. объединение в рамках сочинительной конструкции элементов разных лексических классов (ср. новое обмундирование пополнило мой чемодан и чувство уверенности в себе). Данный приём формирует фон для передачи эмоций субъекта в широком смысле слова. А. А. Смирнитская (Москва) анализирует дравидийские термины родства, которые могут использоваться как междометия с эмоциональным значением. Лексема со значением 'мать' используется в функции эмотивного междометия, выражающего удивление в тамильском языке (лексемы *attā*, *attattā*), слово, выражающее значение 'отец' в языке малаялам, может использоваться как выражение удивления или боли (лексема *accan*). О. И. Федосов (Будапешт) рассматривает примеры эвфемистических замен обценных выражений (*basszuskulcs* — 'басовый ключ', *túró* — 'творог', *bútorraktár* — 'мебельный склад') и другие лексемы и идиомы для снижения эмоционального напряжения в современном

венгерском дискурсе. О. Е. Фролова (Москва) сравнивает существительное чувство, входящее в два больших класса денотатов: модусы восприятия — слух, обоняние, осязание, зрение, вкус, а также внутренние состояния человека — любовь, горе, радость. Такой многозначности лишено заимствованное слово эмоция, в семантике слова страсть важен интенсификатор. А. В. Шаров (Москва) сравнивает русское *надеяться* с венгерскими аналогами, опираясь на толкование и синтактику с использованием аппарата толково-комбинаторного словаря. Автор показал, какие модели управления соотносятся с данными глаголами в их различных значениях.

Метафоры эмоций.

Метафоры, связанные с эмоциями, рассматривает П. С. Дронов (Москва). На материале русского, английского и сербохорватского языков анализируются метафоры израсходования и избытка ресурса в эмотивной фразеологии. Метафора израсходования встречается в слабоидиоматичных сочетаниях (*исчерпать что-л.*, как правило, *терпение*, *to be out of patience*), метафора избытка (*переполнить чашу терпения*, *препунити чашу стрпљења* / *prepuniti čašu strpljenja*, *прелила се чаша стрпљења* / *prelila se čaša strpljenja*, *the straw that broke the camel's back*) более характерна для идиом. А. Л. Токарева (Москва) на материале современной итальянской художественной прозы демонстрирует изменения, вносимые авторами в стандартную актантную структуру метафоризированных глаголов в сочетаниях с лексемой *ira* ‘гнев’ и обновляющие языковую метафору. Предметом статьи Л. Л. Фёдоровой (Москва) является происхождение ласковых обращений *лапочка*, *лапушка* и обоснование их связей с исходной лексемой *лапа* (животного).

Как видно из нашего обзора, статьи сборника охватывают самые разнообразные аспекты эмоциональных состояний и отношений в языке, коммуникации и культуре и основаны на богатом языковом материале. Авторы демонстрируют высокий исследовательский уровень, однако хотелось бы высказать несколько замечаний. Общее пожелание к ряду статей сборника заключается в том, что авторы часто останавливаются на уровне презентации материала в сопровождении комментариев, тогда как можно было сформу-

лизовать обобщения на более высоком уровне. Такие обобщения позволили бы встроить каждую работу в более широкую научную картину и определить перспективы для дальнейшего развития каждой темы. Приведём сформулированные нами, но не полностью реализованные самими авторами публикаций варианты обобщений.

1) Эмоции рождаются спонтанно и непроизвольно, человек не может вызвать у себя эмоцию. Эмоция часто трактуется как стихия, подчиняющая себе человека, перед которой человек бывает беззащитен. В этот класс можно отнести статью Е.М. Лазуткиной о том, что присущая эмоциям стихийность приводит к особому типу глубинно-синтаксической структуры предложений с именами эмоций. В таких предложениях носитель эмоции оформляется как семантический Пациент или Экспериментер. Аналогичным общий вывод можно предложить и в отношении статьи А. Л. Токаревой о диатезах в итальянских предложениях с лексемой *ira* 'гнев'.

2) Внутреннее состояние человека, формируемое эмоцией, коррелирует с его физическим состоянием, внешностью, номинативным потенциалом. Приведённый обобщающий вывод относится к статье О. С. Орловой о непрямым номинациях смерти в русских загадках, мотивированных такой эмоцией как страх.

3) Типы эмоций, стимулов, соответствий внутреннего состояния и внешнего воздействия национально специфичны и лингвоспецифичны, они часто отражают культурные феномены. Данное обобщение может быть отнесено к статье Вольфганга Мидера об антипословицах на тему старости (старость стала источником положительных эмоций в современном американском обществе); к статье С. П. Виноградовой о проекции зороастрийского дуализма в сферу эмоций; к статье А. В. Шарова о русской лексеме *надея́ться* и её венгерскому переводному эквиваленту *remélni*. Разумеется, в связи с темой лингвистической и культурной специфики встаёт вопрос об особенностях лексикографического описания, что отражает статья Янь Кая о лексемах с семантикой 'радость' в русском и китайском языках.

4) Эмоции бывает трудно выразить в словах, ср. внутреннюю форму коллокаций *неописуемый восторг*, *невыразимая печаль* (в этих идиомах невозможность вербализации переосмысливается как лексическая функция Magn), *смутное чувство тревоги*, *едва ощутимое беспокойство*. Указанное свойство является причиной широкого распространения метафор и сравнений, связанных с эмоциями, поскольку их переосмысление в формах материального мира даёт возможность их лучше себе представлять (ср. *чаши терпения*, *jealousy is an ugly cloak*, *jealousy is a green-eyed monster*). Той же цели служит фиксация эмоций в составе пословиц и поговорок, закрепляющая их концептуализацию в языковом коллективе. Данное обобщение может быть отнесено к статье П. С. Дронова об эмоциональном состоянии как ресурсе. Метафоры нередко представляют собой развёрнутые ситуации с оригинальным культурным бэкграундом, как показано в статье Е. М. Масленниковой об эвфемизмах у Уильяма Шекспира. Осмысление и понятийное освоение эмоций возможно не только с помощью метафор и эвфемизмов. Их отражают также семантические переходы, такие как переход терминов родства, т.е. лексем с семантикой ближнего круга, в эмотивные междометия — такого рода обобщение можно отнести к статье А. А. Смирнитской.

В заключение можно сказать, что материалы сборника предлагают удачные решения в рамках современной повестки, а также открывают перспективы для будущих исследований семантики, прагматики и синтаксиса языкового выражения эмоций.

Book Review. Emotsionalnaya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhronia i diachronia — 2019. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii.

Moskva: Kanzler, 2019, 288 p.

O. A. Gulyga (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)